

Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию

Дмитрий Попов

Кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии,

Омская академия МВД России

Адрес: пр. Комарова, д. 7, г. Омск, Российская Федерация 644092

E-mail: DmitriVPopov@mail.ru

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 сформировала особую биополитическую модальность жизни — *vita COVIDa*. Биополитика, к инструментарию которой власть обратилась в пандемию, пересобрала социальное пространство и изменила течение социального времени. В ускоренном режиме пройден путь от изоляции через карантин к вакцинации. Последовательно и комбинированно применены исторически зарекомендовавшие себя инструменты борьбы с пандемией. Новым явилось обращение к арсеналу современных цифровых технологий, что позволило создать уникальную гибкую барьерную среду и контроль над процессом иммунизации населения. *Vita COVIDa* явилась формой дальнейшего ограничения деятельной жизни (*vita activa*). В пандемию возрастает потребление как аспект труда, находящегося в ведении *animal laborans*; возникает простоя в созидательной деятельности, осуществляемой *homo faber*; происходит схлопывание публичного пространства, ведущее к псевдополитической виртуальной полемике, в которой увязает человек как *zoon politikon*. В условиях, когда созерцательная жизнь (*vita contemplativa*) захватывается эффектом залипания в режиме интерпассивности, *vita COVIDa* сползает к рутинной работе и гиперпотреблению, все больше закрепляя за человеком приоритетную роль *animal laborans*. Особые пространства стационарного («красная зона» или «лагерь жизни») и мобильного (QR-код) лагеря, возникающие в режиме необъявленного чрезвычайного положения, производят «голую жизнь» (*vita nuda*). Возрастающее напряжение формирует предпосылки для вторжения собственно политического идентификатора друг/враг в социальные отношения, ситуативно присваивая статус *homo sacer* лицам, *modus operandi* которых воспринимается как рискогенный. Фуколдлански понятий расизм актуализируется в биополитическом пространстве пандемии. Противоречивые тенденции пандемии рассматриваются в парадигме иммунизации Р. Эспозито, в рамках которой саму пандемию с ее угрозами схлопывания социального следует рассматривать как то, что требует иммунной реакции в формах согласованного ответа власти и населения на угрозы социального коллапса. Напряженное противостояние человечества и болезни, а также власти и населения в поле вводимых ограничений и ответственного принятия предлагаемых мер ведут к необходимости выработки *co-vida vita* (со-вместной жизни) как способа проживания и преодоления *vita COVIDa* в процессе возвращения к старой новой нормальности.

Ключевые слова: биовласть, биополитика, пандемия, человек, *vita COVIDa*, *vita activa*, *vita contemplativa*, *vita nuda*, *co-vida vita*, *animal laborans*, *homo faber*, *homo sacer*, *zoon politikon*

Биополитика и пандемия

Термин «биополитика» впервые был введен в научный оборот в 1910-е гг. (Ojakangas, 2016: 11). В ряде научных статей указанного периода в Германии обнаруживается повышенный интерес к органическому истолкованию государства на фоне влияния евгенических и социал-дарвинистских идей. Этот термин, наряду с понятием «геополитика», использовал Р. Челлен (Esposito, 2008: 16–17), но предметную область биополитики очертил в своих исследованиях М. Фуко. Именно он заложил основание современного биополитического дискурса. Вместе с тем биополитика как явление гораздо древнее понятия «биополитика». Фуко связывает рождение биополитики с XVIII веком. Под биополитикой он понимал «то, как начиная с XVIII века пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство» (Фуко, 2012: 405). Однако биополитику можно обнаружить уже в Древней Греции. Говоря об античной биополитике, М. Оякангас отмечает, что как в трудах Платона и Аристотеля, так и в жизни полиса центральные темы биополитики (половые отношения, брак, беременность, роды, уход за детьми, здравоохранение, образование, рождаемость, миграция, иммиграция, экономика и т. д.) являлись краеугольным камнем политики и искусства управления (Ojakangas, 2016: 6). Таким образом, биополитика присутствует во властном управлении жизнедеятельностью людей уже длительное время, население давно и плотно опутано сетью биополитических регуляций, инструментов и техник. Именно это позволяло оставаться биополитике в тени. В ходе вспышки заболеваемости коронавирусной инфекцией COVID-19, вызываемой коронавирусом SARS-CoV-2, биополитика властно вторглась в жизненное пространство человечества, вольно или невольно обратив на себя внимание специалистов и обывателей, не подозревавших о существовании биовласти и ее инструментария.

Итак, триггером нового планетарного биополитического порядка стала пандемия. Пандемия является крайне опасным, хотя и вполне изученным феноменом. Специалистам понятны причины появления и разрастания до масштабов пандемии чумы, оспы, холеры, гриппа, ВИЧ и других заболеваний (McNeill, 1976; Oldstone, 2009; Шах, 2017). Существует обоснованное предположение, что эпидемии бушевали в глубокой древности и уничтожали целые города уже на заре цивилизации (Скотт, 2020), став бичом человечества по причине того, что люди начали вести оседлый, основанный на доместикации растений и животных образ жизни. Скученность и контакт с одомашненными животными неизбежно повлекли передачу патогенов от животных к человеку и вспышки заболеваний (Даймонд, 2010; Скотт, 2020). По мере интеграции человечества в доглобальную эпоху, и тем более в процессе глобализации, возрос и риск новых пандемий, поскольку эпидемические риски стали трансграничными, а потому повсеместными. «В развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно

сопровождается общественным производством рисков» (Бек, 2000: 21). Одним из видов производства рисков в условиях перенаселенности, скученности и вторжения человека в ареалы обитания диких животных является возрастающая угроза возникновения зоонозных инфекций. Наличие развитой транспортной сети и существенно упростившийся порядок трансграничного перемещения людских потоков также способствуют возрастанию вероятности пандемии. Майкл Олдстоун отмечает, что ряд вирусных инфекций, которые в настоящее время остаются неконтролируемыми (вирус лихорадки Ласса, вирус Эбола, хантавирус, атипичная пневмония, вирус Западного Нила, вирус иммунодефицита человека и даже грипп), обладают потенциалом всемирной пандемии с катастрофическими последствиями (Oldstone, 2009: X). Тяжелый острый респираторный синдром (SARS), вызывающий атипичную пневмонию, стал первой вирусной пандемией XXI века. Начавшись в Южном Китае в ноябре 2002 года и стремительно распространившись в тридцати трех странах на пяти континентах, вирус был взят под контроль лишь к 2004 году. При этом человечеству сопутствовала удача — заболевание исчезло так же таинственно, как появилось (Ibid.: 226). Эпидемия SARS 2002 года, очагом распространения которой явился Китай, похожа на нынешнюю пандемию коронавируса и, вполне возможно, обозначает сходную причину передачи зооноза от диких животных к человеку. Еще в 2017 году С. Шах писала:

Рынки дичи — это открытые уличные торговые площадки, где продают живую дичь, которую покупатель затем забивает и готовит сам... Именно там, на рынке дичи в Гуанчжоу, родился вирус, чуть не ставший причиной пандемии в 2002 года. Обычные носители этого вируса — подковоносые летучие мыши. Однако в отличие от своих более мирных собратьев, он воздействовал на иммунную систему человека, нарушая способность инфицированных клеток предотвращать соседние охватчики.

Примерно у четверти заразившихся болезнь быстро переросла в тяжелую форму пневмонии, напоминая острое респираторное заболевание. От атипичной пневмонии тогда умерло 774 человека из 8000 заразившихся (Шах, 2017: 10–11). Риск пандемии в процессе интенсификации взаимодействия людей на фоне максимального приближения к ареалам обитания диких животных и все большего разведения одомашненных животных непрерывно возрастает, что не помешало значительной части человечества воспринять вспышку коронавирусной инфекции 2020 года как полную неожиданность.

Следует отметить, что пандемия обнажила реальное состояние современной медицины. Со времени, когда В. Виндж сформулировал идею возможности достижения технологической сингулярности, технократически ориентированная часть креативного класса живет надеждой на замедление старения, активное долголетие, киборгизацию, физическое бессмертие (De Grey, 2007; Курцвейл, 2015) в мире изобилия (Дрекслер, 2014; Брегман, 2020). Однако пандемия явилась болезненным ударом по самолюбию человечества, обнаружив недостаточную опе-

ративность в создании эффективных вакцин и лекарств от новоявленной угрозы, неэффективность имеющихся методов терапии, преувеличенные надежды на новейшее медицинское диагностическое оборудование на основе искусственного интеллекта наподобие WatsonPaths, призванного объединить колоссальный опыт человечества в борьбе с болезнями. За конкуренцией фармацевтических корпораций неожиданно открылась явь фармакратии «как метода социального контроля и политического закона» (Власова, 2014: 288), о которой Т. Сас впервые упомянул в 1976 году. Оказалось, что ученые и врачи не чудотворцы, а люди, занимающиеся тяжелым и даже героическим трудом. Реальность показала, что медицинская наука и здравоохранение далеки от утопических идеалов.

Человечество испытало шок внезапных открытий, включив защитные адаптивные механизмы в диапазоне от «смеховой культуры» (М. М. Бахтин) до «стокгольмского синдрома» (Н. Бейерот). Например, активисты движения «Восстание против вымирания» провозгласили: «Коронавирус — это лекарство. Люди — это болезнь» (Чэндлер, 2020). Сходным образом мыслит глава Программы ООН по охране окружающей среды И. Андерсен: «Вирус — это послание от природы о том, что человечество само навлекает на себя такие кризисы» (Там же). Б. Латур не менее радикален: «...на сей раз патоген, чья страшная вирулентность изменила условия жизни всех обитателей планеты, вовсе не вирус, а человечество!» (Там же). Смеховая культура, напротив, старается не драматизировать события. На сайте литературно-художественного юмористического издания «Бесэдер?», слоганом которого является высказывание «Для тех, кому еще смешно», ведется юмористическая хронология пандемии. На страницах издания выражается опасение, что приближающийся к нашей планете гигантский астероид, способный уничтожить человечество, в связи с пандемией может опоздать; объявляется о создании лекарства, но поясняется, что прививка от нового лекарства пока не разработана; предполагается, что жители планеты в скором времени выучат греческий алфавит; правительства устанавливают режим паники по поводу появления нового штамма и т. д. Во французской кинокомедии «Застрявшие вместе» (8 Rue de l'Humanite, 2021) предлагается набор скетчей, пародирующих типичные ситуации парижского локдауна в обычном многоквартирном доме. Сквозь смех и слезы люди принимают болезнь и борьбу с ней.

Так или иначе

В ситуации пандемии COVID-19... опыт карантина и жизни «на удаленке» в определенном смысле представляет собой «вывих» одного из основополагающих временных сочленений между физически (неодушевленно) структурированным временем труда и наполненным жизнью временем праздника... Распались распорядок дня, различие рабочих часов и свободного времени, будней и праздников, частного (приватного) существования и существования публичного. (Тищенко, 2020: 35)

Как отмечает А. Ф. Филиппов,

Эпидемия разрушила одно из главных единств современного общества: единство богатства, здоровья, комфорта, просвещенности и безопасности... Все, что являлось главным мотиватором поведения и суррогатом религиозных способов конструирования смыслов жизни, рассыпается: индустрия развлечений, здоровья, спорта, туризма не просто разоряется. Она теряет почву, потому что тело, возведенное в главную ценность, обеспечивалось здоровьем, долголетием и способностью испытывать предлагаемые виды удовольствий лишь в обстановке гарантированной безопасности. (Филиппов, 2020)

Пандемия актуализирует осмысление инструментария биополитики. Возникновение барьерной среды; введение режимов «повышенной готовности», самоизоляции, карантина; настойчивое требование вакцинации; введение цифровых форм контроля за перемещением в пространстве; пандемийный дресс-код (маска, перчатки, санитайзер); медицинская сортировка (триаж); похороны, напоминающие избавление от тела умершего из криминальных фильмов; ограничение конституционных прав без объявления режима чрезвычайного положения — это неполный перечень неожиданных трансформаций социальной реальности, укорененных в биополитических диспозитивах. Когда теннисист Н. Джокович упорно отстаивает право самому выбирать, делать ли ему прививку и оповещать ли о сделанном выборе, организаторы турнира Australian Open требуют, чтобы девятикратный чемпион турнира, как и все приезжающие спортсмены, подчинялся правилам, принятым сообществом. В сопротивлении звезды тенниса требованию вакцинироваться можно усмотреть болезненное осознание биополитики как властного распоряжения жизнью людей. Механизмы безопасности, центральные для биополитики (Фуко, 2011: 17), явно ограничивают свободу. В штате Виктория все равны, и даже прославленный чемпион в период пандемии «не равнее» местного обывателя. Следует согласиться, что

С эрозией, если не стиранием, социальных категорий, укорененных в нации, территории и классе, идентичность все чаще связывается только с индивидуальными телами — телами, определяемыми как объект биологической природы и субъект превращенного в товар желания. Политики видят главную задачу современного управления в мучительном поиске баланса между минимальным правительством и максимальной личной безопасностью и самореализацией, используя риторику, сосредоточенную главным образом на качестве жизни, которое рассматривается одновременно в моральном и материальном ключе. (Комарофф, 2021: 7)

В период пандемии требование безопасности выступило основной характеристикой качества жизни, существенно ограничив пространство свободы и самореализации индивида.

Почувствовать себя исключенным, изолированным в ходе пандемии довелось каждому. Если мы под *vita COVIDa* (Попов, Векленко, 2020) будем понимать жизнь в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, то можно утверждать, что она является биополитической модальностью жизни. Осознание включенности в биополитический порядок в ходе пандемии является всего лишь обнаружением того, что воспринимается уже почти как данность. Подобное открытие стало возможным по причине того, что условия пандемии интенсифицировали действие биополитических инструментов. Биополитическое измерение власти вышло из тени, в которой оно обычно пребывает. Биополитический инструментарий медиализации и нормализации, применяемый к населению современных государств с момента рождения каждого индивида, предстал в осязаемых, как аппарат ИВЛ и шприц для инъекций, формах. Биополитика «как научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве „населения“» (Яркеев, 2018: 271) приобрела видимые очертания распоряжения биологической жизнью человека политическими средствами.

События пандемии, болезненный опыт адаптации к «новой нормальности», а главное, диспозитивы, техники и инструменты биовласти, описанные Х. Арендт, М. Фуко, Дж. Агамбен, Р. Эспозито и Р. Брайдотти, составляют предметную область исследования, в отношении которой предлагается ряд теоретических обобщений в ходе дальнейшего рассуждения.

Биополитический фрейм пандемии: от изоляции к вакцинации

Пандемия воспроизвела словно в ускоренной перемотке эволюцию древних форм самообороны человека от скрытой угрозы. Эпидемии сопровождают человека с глубокой древности, Джеймс Скотт считает, что «эпидемии — „самое громкое“ умолчание археологических находок эпохи неолита» (Скотт, 2020: 119). Эпидемии повинны во многих случаях гибели древних городов и протогосударств, рассеивании людей, прерывании цивилизационного строительства. Возникшая в разрастающихся поселениях «беспрецедентная скученность людей... создала идеальные условия для эпидемий и обмена паразитами» (Там же: 105). Сгрудившись совместно с одомашненными животными на своеобразном общем для всех ковчеге, люди приняли риски переноса зоонозных инфекций. Обмен микробами приводил как к негативным, так и положительным эффектам. Таким положительным эффектом стала иммунизация. Для европейцев, долгое время разделявших кров с домашними животными, отложенной выгодой иммунизации стало покорение Нового Света, триумфу которого сопутствовало распространение губительных для индейцев, не имевших аналогичного опыта сожительства с domestцированными животными, инфекций (в частности, оспы), что Джаред Даймонд рассматривал как одно из оснований европейской мировой гегемонии Нового времени (Даймонд, 2010). Негативный эффект моровых поветрий заключался в гибели людей, однако люди адаптировались к незримой угрозе. Уже «первые письменные источники ясно

дают понять, что древние народы Месопотамии понимали принцип распространения эпидемических заболеваний — „заражение“. Везде, где было возможно, они принимали меры, чтобы изолировать первые явные случаи заболевания — ограничив их распространение отдельными кварталами, закрыв в них вход и выход» (Скотт, 2020: 121). В качестве мер защиты против инфекций использовались изоляция больных; кратковременное и долгосрочное покидание зараженных территорий; избегание контактов с приезжими, а также с вещами потенциальных носителей инфекции; введение карантинных (фр. *quarantaine*, итал. *quarantena* — сорок дней — срок, который, как полагали, достаточный для проявления болезни) мер для военных, торговцев и путешественников. Инфекции атаковали людей, люди адаптировались к инфекциям. «Если изоляция и карантин не срабатывали, то все, кто мог, покидали город, оставляя умирающих и погибших, а если возвращались, то только через достаточное время после окончания эпидемии. Покидавшие город часто переносили заболевания в отдаленные районы, запуская новый цикл карантинных и бегств» (Там же: 121).

Фуко выстраивает модель эволюции мер защиты, рассматривая в качестве идеально-типических примеров проказы, чумы и оспе. Самой примитивной мерой самообороны от инфекции является изоляция, а ее хрестоматийным примером — исключение прокаженных вплоть до конца Средневековья посредством правовых ограничений, религиозных установлений и организации мест для пребывания исключенных (лепрозории). Экстерриториальность, бесповоротное изгнание из мира людей вводят «бинарное разделение людей на прокаженных и тех, кто ими не является» (Фуко, 2011: 24). Чума запускает другую стратегию, связанную с введением четких организационных мер, в рамках которых потенциально зараженный не изгоняется из города, но ограничивается в пространственно определенной локации на отмеренный временной промежуток карантина. Если перед проказой ставился непреодолимый барьер, то чума впускается в город, живущий в режиме приостановки права, что характерно для чрезвычайного положения. В регламентах на случай чумы «речь идет о необходимости четкого разделения охваченных чумой регионов и городов на участки, однозначно определяется, когда, в какие часы и каким образом население может покидать их территорию, как должно вести себя дома, чем питаться, каких контактов избегать, и подчеркивается, что люди обязаны обеспечивать доступ в свои жилища инспекторам, контролирующим тот или иной участок» (Там же: 25). Дисциплинарная власть обеспечивает контроль на территории, охваченной чумой, не за счет установления внешней границы, отделяющей от зараженной местности, а за счет установления системы внутренних временных барьеров, сводящих на нет распространение болезни. Наконец, оспа вызывает к жизни наиболее эффективную стратегию — вакцинацию (от лат. *variola vaccinia* — коровья оспа; *vacca* — корова). Как справедливо отмечает Фуко, «теперь в центре внимания уже не вопросы исключения, как в ситуации с проказой, и карантина, как в случае с чумой, но крайне сложная проблема... ме-

дицинских мероприятий, посредством которых пытаются справиться с эпидемическими или эндемическими формами заболевания» (Там же: 25).

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 началась с изоляции Уханя вплоть до баррикадирования подъездов к нему паникующими жителями окрестностей и патрулирования, обеспечивающего непрерывный комендантский час в условиях чрезвычайного положения в черте города. Изоляционные меры инфекции не сдержали, запустив волны карантинных мероприятий различной степени строгости и длительности. Наконец, в спешном порядке разработанные вакцины, основанные на инновационных и даже экспериментальных технологиях (во всяком случае, векторные вакцины до пандемии не применялись в таких масштабах), медикализировали борьбу с инфекцией, дополнив полицейские меры сдерживания потенциальных носителей заболевания. Возникший санитарно-полицейский биополитический режим воспроизводит эволюцию мер защиты от инфекций, пройденную человечеством, с существенной поправкой на достижения современной науки, в первую очередь проявившие себя не столько в ходе разработки вакцин, сколько в получении статистических данных; обработки полученной информации и формировании математических моделей, определяющих стратегии реагирования на распространение инфекции; а также в широкомасштабном применении технологий слежения, контроля, допуска, эксклюзии индивидов, в зависимости от их ковид-статуса и эпидемической обстановки. Резюмируя, отметим, что пандемия не привела к революции в мерах борьбы с инфекцией, но открыла инновационные пути оптимизации исторически сложившихся практик, соответствующих возможностям современной технобиовласти.

***Vita activa*: жизнь в биополитическом пространстве пандемии**

Пандемия скорректировала жизнедеятельность человека в модальности активности. Воспользуемся детально разработанным Х. Арендт понятием деятельной жизни — *vita activa*. «Выражение *vita activa* призвано охватывать... три основных вида человеческой деятельности: труд (работу), создание (изготовление) и действие (поступки). Они основные деятельности потому, что каждая из них отвечает одному из основных условий, на каких человеческому роду дана жизнь на земле» (Арендт, 2000: 14). Сфере труда соответствует человек как существо природное, биологическое — *animal laborans*. Труд, извлекая и перерабатывая природные элементы, поддерживает биологические процессы человеческого тела, его спонтанный рост и обмен веществ. Труд удерживает человека в границах «пожирающего круговорота жизни» (Там же: 313), так что *animal laborans* погружен «в неприступную приватность собственного тела, где он видит себя в плену у потребностей и желаний» (Там же: 152). Поглощенный трудом, человек в качестве *animal laborans* не раскрывает, а, напротив, утрачивает человечность, превращаясь в *homo animalis*.

Сфере создания (изготовления) соответствует *homo faber* — человек творящий — тот, кто создает искусственный мир вещей, в котором находит свой дом, пристанище, место за пределами природного цикла добывания и потребления. «Человек — это *homo faber*, обрабатывающий человек. Он способен, преимущественно с помощью рук (и инструментов), перенести, трансцендировать представленное из интраментального пространства, из мира представлений во внешний мир, в окружающую среду своего восприятия» (Дессауэр, 2017: 87). Фридрих Дессауэр расширил представление о *homo faber* до демиурга развивающейся техносферы, способной в атомный век расширяться до масштабов Вселенной. Для Дессауэра, когда мы говорим о человеке творящем, «всегда речь идет о комбинации трех изначальных способностей человека: Investigator, Inventor, Faber» (Там же: 87), где *homo investigator* — человек исследующий, *homo inventor* — изобретающее, организующее существо, а *homo faber* — человек обрабатывающий. Именно *homo faber* очеловечивает труд и выводит его за границы природных процессов. Однако важнейшая ипостась жизни человека — сфера действия, соответствующая *zoon politikon* — человеку как существу политическому. «Для людей жизнь... равносильна „пробыванию среди людей“ (*inter homines esse*)» (Арендт, 2000: 15). Посредством деяний среди других людей «смертные способны достигать бессмертия особого, как раз именно человеческого свойства, доказывая так, что и они божественной природы» (Там же: 29) — именно в этом заключается приоритет *zoon politikon* в рамках *vita activa* над *animal laborans* и *homo faber*. Человек обретает человечность в деяниях во благо и среди людей.

Отметим, что человек может выйти за пределы *vita activa* в область *vita contemplativa* — созерцательную жизнь. Эта область — сфера отстраненно-рефлексивной жизни мудреца, имеющая свои преимущества, хотя и порывающая с трудом, техническим изобретательством и социальным действием. «*Vita contemplativa*, насколько она понимает себя как противоположность *vita activa*, заключается по своей сути в отрицании именно ремесленно-деятельной жизни... *Homo faber* должен был только опустить бездеятельно руки, распространив до бесконечности и абсолютизовав одну из фаз своей собственной деятельности, созерцание эйдоса...» (Там же: 397). В древности *vita contemplativa* была уделом немногим избранных, так что славы человек достигал по преимуществу в пространстве полиса.

Арендт внесла свой вклад в развитие биополитики, предвосхитив исследования Фуко. Для нее модерн меняет отношение между *vita activa* и *vita contemplativa*, отдавая приоритет деятельной жизни. Человек эпохи модерна — творец картины мира, он переходит от созерцания к изобретательству и конструированию. Социальное перманентно пересобирается, даже природа — конструктор, поскольку картина мира и сам мир никогда полностью не совпадают. Но не только созерцание вытесняется деятельной жизнью. Внутри *vita activa* происходит двойное смещение. *Zoon politikon* уступает место *homo faber*. *Homo faber* создает систему вещей, основанную на *po-stave* — поставлении самого мира как-состоящего-в-наличии (Хайдеггер, 1993: 229–231). И *homo faber* способствует превращению сфер созидания

ния и социального действия в процесс функционирования, в котором человек становится *animal laborans*. Круг замыкается: от созерцания надмирности через создание мира предметов человек приходит к безмирности. В мире функционирования сложной технической инфраструктуры, которая становится самоцелью, человек погружается в сферу труда — добывания ресурсов в целях последующего их потребления. Торжествуют мироедство, автоматическое функционирование, «автоматически действие выдвинулось на позицию, прежде занятую созерцанием» (Арендт, 2000: 386). Человек растворяется в смертности. Претензия на бессмертие скорее связывается с достижением физического бессмертия, нежели совершения великих бессмертных деяний. Человек как *animal laborans* в тройном круговороте природных процессов, добывания и потребления, а также функционирования техники окончательно биополитизируется, становясь элементом машинерии технократической цивилизации.

В ходе пандемии труд, созидание и поступки претерпевают трансформацию. *Vita COVIDa* предстает как антипод *vita activa*. При этом происходит дальнейшее расширение пространства *animal laborans* в режиме потребления, простоя и «залипания» (англ. *stickiness*). В первую очередь труд в модальности *vita COVIDa* в условиях самоизоляции, сокращения пространственных перемещений, ограниченного доступа к ресурсам по преимуществу становится не столько извлечением и приготовлением чего-либо для последующего потребления, сколько самим потреблением — потреблением без работы, без усилий, потреблением впрок, проеданием запасов, вынужденным мироедством. Арендт полагала, что именно модус потребления — потребления человеком всего Земного шара — является доминантой XX века. И именно эта тенденция укрепляется в пандемию.

Homo faber оказывается в положении вынужденного простоя, происходит сбой в автоматическом функционировании технократии; «поставляющее производство, через которое... действительность выходит из потаенности для состояния в наличии» (Хайдеггер, 1993: 228), неожиданно дробится на сегменты, плохо согласованные друг с другом. Активность *homo faber* как исследователя, изобретателя, созидателя и организатора закликивается в петле ремонта — происходит непродуктивное «залипание» в границах предметов, отношений и смыслов, уже явленных миру, но ставших неожиданно хрупкими. Бесконечное восстановление нестабильных текучих форм поглощает энергию *homo faber*, сковывая творческие силы и обращая созидание в работу — удел *animal laborans*. Еще больше теряет человек как «политическое животное» — *zoon politikon*. Приостановка в созидательной деятельности могла бы быть восполнена социальным действием, но оно крайне ограничено. Публичное пространство в рамках карантинного режима пандемии схлопывается. Санитарно-полицейский режим ограничений на публичные мероприятия в рамках оформившегося в интернет-сетях паттерна публичной интимности (М. Кронгауз) ведет к тому, что вызванная ограничениями необъявленного чрезвычайного положения деполитизация полиса оборачивается реполитизацией ойкоса — домохозяйства. Политическая энергия канализируется в сетевое про-

странство, в котором господствует полемика (др.-греч. *πολέμικα* — военное искусство, *πολέμιος* — противник), где спорят бессмысленно и беспощадно. В мире, где происходит отмирание самой потребности в поступке в результате обретения иллюзорного бессмертия в потребительском рае, политическая культура участия замещается культурой воображаемых частных событий. Публичная дискуссия вырождается в холивар (англ. *holy war* — священная война), *shitstorm*. Пандемийное кипение страстей в сетевых баталиях — непродуктивная растрата энергии социальных действий виртуальными публиками.

Но, возможно, пандемия выталкивает в созерцательную жизнь? Отчасти это так. По преимуществу же вновь можно обнаружить не столько созерцание, сколько «залипание». Залипание — времяпрепровождение, непродуктивная трата времени на однообразные действия и/или интеллектуальную деятельность. Залипание характеризуется рассеянностью внимания, избирательным сосредоточением, дезориентацией, гипнотичностью. Незаметным образом предположение В. Пелевина о том, что возникнет новый ад — вечного футбольного чемпионата — стало реальностью. Замкнутые в клетках своего эксклюзивного «дня сурка», пандемийные отшельники «залипли» в точке притяжения своих интересов. Конструктивные процессы творческой активности, для которых пандемия явилась «счастливым черным лебедем» (Н. Талеб), отнюдь не стали приоритетной моделью поведения. Чаще всего созидание уступает самоподдерживающемуся эффекту залипания или захвата, в большинстве случаев сводящему траекторию творческого созерцания к островкам устойчивости, где интеллектуальный поиск, желание преодолеть скуку и получить удовольствие в сложившихся условиях вынужденного простоя формирует аттрактор долгосрочного пребывания вблизи привычных форм структурирования времени. Как и *homo faber*, захваченный круговоротом ремонта, человек созерцающий оказался в ловушке фэйковой *vita contemplativa*, зависание в которой подменяет духовное развитие. Сетевые версии *vita contemplativa* активируют состояние интерпассивности (Жижек, 2005: 17–20), в рамках которого человек отдает право наслаждаться другому, занимая позицию пассивности посредством другого. Визуальные интерактивные и одновременно интерпассивные метавселенные десубъективируют индивида, передающего право на активное действие и творчество фетишизированному объекту, наделяемому признаками подлинной жизни. Вовлеченный в метавселенные как геймер, зритель или собеседник, индивид утрачивает агентность, становясь имманентным приложением к виртуальному пространству. Трансцендирование в область *vita contemplativa* оборачивается имманентностью круговорота информации в калейдоскопе бесконечно мутирующего содержания в пределах заданных форм и паттернов. Простой, залипание, зависание лишь усиливают тенденцию к утверждению человека в биополитической ипостаси *animal laborans*. Жизненная энергия вовлекается в порочный круг, который обусловлен круговоротом природных процессов и технических контуров, поддерживающих стабильность воспроизводства социальной системы. В один из кластеров этой системы, как в отсек, включен индивид. Активность

в замкнутом биополитическом пространстве пандемии оборачивается контролируемым жизнепроживанием, в рамках которого нейтрализованная энергия человека в качестве *zoon politikon* и *homo faber* канализируется в псевдополитические баталии в частных виртуальных доменах и бесконечную отладку выходящих из строя систем жизнеобеспечения, умножая работу и окончательно утверждая человека в образе *animal laborans*, захваченного природными силами.

***Vita nuda*: чрезвычайное положение и биополитика**

Дж. Агамбен, развивая идеи К. Шмитта о связи суверенной власти и чрезвычайного положения (Шмитт, 2000), создал теоретическую модель, в которой сопряжены чрезвычайное положение, лагерь и «голая жизнь» (*vita nuda*) (Агамбен, 2011). В концепции Агамбена *homo sacer* — человек, низведенный к «голой жизни», его «человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее исключение» (Там же: 16). Используя термин римского права (*homo sacer*), Агамбен задает удобный для описания биополитических пространств исключения контекст: «*Homo sacer* называется тот, кого осудил народ за какое-либо преступление; приносить его в жертву нечестиво, но тот, кто его убьет, не считается преступником, ибо первый трибунский закон гласит: „Если кто убьет человека, который с ведома всего народа был объявлен *sacer*, да не осудится“. Оттого-то всякий дурной и бесчестный человек обыкновенно зовется *sacer*» (Там же: 93). В модели Агамбена лавинообразное расширение использования инструментария чрезвычайного положения формирует условия, в которых «лагерь как чистое, абсолютное и непревзойденное биополитическое пространство (как таковое основанное только на чрезвычайном положении) окажется тайной парадигмой политического пространства современности» (Там же: 156–157). Лагерь как новый номос земли, пребывая в юрисдикции чрезвычайного положения, т.е. в области приостановки правового регулирования, основывается на биополитическом надзоре за людьми, низведенными к голой жизни и имеющими статус *homo sacer*.

Пандемия позволила наполнить теоретические построения Агамбена новым содержанием. Необъявленное чрезвычайное положение тем не менее перевело правовое поле в режим императивного — приказного и инструктивного регулирования. Режим «повышенной готовности», введение карантинных ограничений, квотирование удаленных работников, дистанционное обучение, особый порядок посещения общественных пространств — последовательно сформированная барьерная среда, баррикады которой в отношении вируса явлены в препятствиях, воздвигнутых на пути человека. Сложности проникновения для вируса в то или иное пространство человек переживает телесно. «COVID-19 отождествляется с чужеродцами, требуя закрытия границ, формируя подозрительность к Другому как к Чужому, врагу, носителю опасности» (Попова, 2020: 16). Человек сам становится Чужим, воплощаясь в образ *homo sacer* — того, чья жизнь включена в социальное пространство через ее исключение. QR-код стал паролем и шифром

пространства мобильного лагеря исключения, вычета из безбарьерной инклюзивной среды. Крайним выражением отношения лагерного пространства пандемии и *vita nuda* стала «красная зона» — закрытое пространство для инфицированных, вход и выход из которого строго регламентированы и не зависят от воли пациента. В этом пространстве материализованной милитаристской лексики войны с невидимым врагом утвердилась военная технология распределения жизни и смерти — триаж — «медицинская сортировка пораженных (раненых)» (Тищенко, 2020: 40). «Для обозначения процесса расстановки приоритетов... используется термин „триаж“ (фр. *triage* — сортировка). Подходы к сортировке, применяемые в настоящее время в работе гражданских чрезвычайных служб, сформировались в военной медицине для случаев одновременного оказания помощи множеству раненых в боевых действиях» (Патракова, 2020: 167). Использование триажа в условиях дефицита медицинской техники (аппараты ИВЛ) или лекарственных средств (те же вакцины в начальной фазе вакцинации предлагались в первую очередь, например для населения, отнесенного к группам повышенного риска), предусматривающее создание «сортировочных (триажных) или этических комиссий» (Там же: 171), руководствующихся определенными моральными принципами, сыграло «по мнению ВОЗ, решающую роль в обеспечении эффективного ответа на вызовы чрезвычайных ситуаций, включая ситуацию пандемии COVID-19» (Тищенко, 2020: 41). Тriage обозначает противоречие между общественными интересами и интересами отдельных граждан (Там же: 41). Одновременно триаж, регламентирующий очередность, место и способ оказания медицинской помощи, демонстрирует неудобную правду биополитики, в рамках которой «население всегда оказывается лишь тем, о чем государство печется ради своего собственного блага... изнанкой биополитики выступает танатополитика» (Фуко, 2002: 379).

«Красная зона» является искусственно выделенным пространством, пребывание, вход и выход в котором для пациента и персонала строго регламентированы, а сама жизнь, обретая формат «голой жизни», как и положено в биополитике, переосмысливается в духе трансгрессии от политической формы включенного исключения к биополитической форме основания возникшего порядка. Безусловно, «красная зона» составляет полную противоположность лагеря смерти — это лагерь наоборот. Будучи организована как пространство исключения, «красная зона», несмотря на экономию триажа, создана для того, чтобы вернуть человека к полноценной жизни и максимально быстро исключить из своих стен. Для «красной зоны» пациент — включенное исключение человека в состоянии, близком к «голой жизни», а стабилизация состояния организма — фактор исключения во внешнее пространство «нормальной жизни». Лагерь смерти — комбинат по обращению жизни в голую жизнь с последующей ее утилизацией, а «красная зона» — квинтэссенция «лагеря жизни», обращающего голую жизнь на грани смерти в жизнеспособность, реинтегрируемую в общество. Вместе с тем пространство лагеря с его пространственной ограниченностью, функциональной определенностью, дисциплинарной принудительностью и биополитической центрированно-

стью на жизни выступает моделью клиники, сталкивающейся со смертоносной пандемией. Статистика, учитывающая количество таких клиник, интенсивность их работы, количество пациентов, смертность, как и сводки с фронтов войны, оканчивается сигналом к тому, чтобы распространить лагерный опыт организации социального пространства в масштабах переживающего кризис общества. В конечном итоге пандемия задает самим характером своего протекания как тематизацию голой жизни, так и жесткость вводимых мер в отношении новоявленных *hominī sacres*.

Другой формой *vita nuda* в условиях действия биополитических регуляторов в пандемию становится тот, кто может быть источником угрозы. «Хотя таинственность, которой окутана болезнь, всегда сочетается с надеждами на открытие противоядия, сама болезнь... вызывает вполне старомодные страхи. Всякая болезнь, если она таинственна и порождает страх, всегда будет восприниматься как заразная, пусть не в буквальном, но в нравственном смысле» (Сонтаг, 2016: 8). Как известно, Фуко расширительно трактовал расизм как дискриминационные практики (Фуко, 2005: 77), обращенные против любого, кто не принадлежит к группе, сплотившейся вокруг своего символа веры. Этот биополитический диспозитив исключения вполне проявил себя в период пандемии, будучи ситуативно применен к антимасочникам, антиваксерам, людям без QR-кода — всем тем, кто давал повод идентифицировать себя как потенциальный источник заражения. Напротив, для антиваксера подозрение в нравственной контагиозности (а также в участии в заговоре либо манифестации скудоумия) вызывает любой последовательный сторонник вакцинации. В биополитическом пространстве отбраковка действует по медиализированным основаниям, но проецируется на Другого вообще, выстраивая демаркационные линии Свой/Чужой вплоть до достижения шмиттовского политического разделения Друг/Враг. В чрезвычайном пространстве мобильного лагеря в положение *homo sacer*, низведенного к *vita nuda*, может угодить всякий, неожиданно не выполнивший очередной инструкции, исходящей от биополитического регулятора — администрации лагеря. Характер репрессалий и степень отбраковки носителя «голой жизни» отвечают требованиям момента и ситуативно зависимой телеологии биовласти.

Рози Брайдотти утверждает, что для современности «биовласть и некрополитика — две стороны одной медали...» (Брайдотти, 2021: 23). Брайдотти, рассматривающая некрополитику как последовательное продолжение биополитики, вполне развернувшееся именно в наши дни, полагает, что в современном мире повсеместно «появляется целый низший класс генетически сверхуязвимых и социально недозастрахованных тел, представляющих собой расходный материал» (Там же: 227). За войнами «эпохи постгуманизма», распространением «лагерей и тюрем в пространстве современных европейских городов» просматривается становление постгуманистической бесчеловечности, в рамках которой биополитика (от *bios* — жизнь в социально-политической модальности) постепенно превращается в постчеловеческую *zoe*-политику (от *zoe* — жизнь в биологической модальности) (Там

же: 236, 246, 227). Биополитическое регулирование в пандемию — лишь верхушка айсберга в пространстве возможностей биовласти.

Иммунизация пандемией

Р. Эспозито ввел в инструментарий биополитики иммунизацию, которая, по его мнению, является важным инструментом конструирования общества. Как известно, в ходе иммунизации у человека формируется иммунитет. Иммунитет в медицинском значении представляет собой защищенность организма от вторжения извне чужеродных и вредоносных агентов (бактерия, вирус, яд и т. д.). Юридическое значение иммунитета указывает на наделение законом определенного лица статусом, позволяющим осуществлять деятельность, которая регулируется особым образом. Такой порядок может отличаться от того, которому подлежат лица, не наделенные иммунитетом. С точки зрения Эспозито, иммунизация в широком смысле слова представляет собой формируемые в обществе механизмы безопасности на основании делегирования каждому члену общества определенных прав, свобод, полномочий, обязательств. Так, европейские общества в эпоху модерна прошли иммунизацию суверенитетом, правом собственности и свободой (Esposito, 2008: 57–77). В гоббсовской модели суверенной власти общественный договор, заключенный между властью и населением, делегирует монопольное право на принуждение и принятие политических решений лицу, наделенному верховным статусом. Монополия на принуждение лиц, состоящих на регулируемой законом государственной службе, дополненная возможностью граждан обращаться к власти в целях урегулирования конфликтов по закону, лишает человека возможности произвольного действия, но ограждает от ситуации *bellum omnium contra omnes*, закладывая основы общественного порядка. Иммунизация суверенной властью формирует суверенную личность, законно пользующуюся гарантированными правами, тем самым распространяя начало суверенитета в масштабах общества. Точно так же иммунизирует и право собственности. Оно, поддерживаемое суверенной властью как право на то, что является результатом физического и интеллектуального труда человека, в случае отчуждения по договору, основанному на законе, создает условия для взаимного признания собственности и распоряжения ею. Этот правовой режим формирует благоприятную среду для развития экономики и закладывает основы обмена, торговли, производства, научной и творческой деятельности. Наконец, иммунизация свободой формирует устойчивость к широкому кругу угроз, связанных с неконтролируемым применением насилия одних лиц в отношении других на основании субъективного понимания приоритетности собственного статуса, ценностей и идеалов в отношении обобщенного Другого.

Эспозито демонстрирует диалектику *communitas* (сообщества) и *immunitas* (иммунитета). В парадигме иммунитета прослеживается противоречие между сообществом и иммунитетом, поскольку *immunitas* раскрывается как отрицательная или отсутствующая форма *communitas*. Если сообщество возникает как

отношение, располагающее своих членов к взаимным обязательствам (по Эспозито, *communitas* восходит к лат. *munus* со значениями обязательства, долга, дара, пожертвования), ставя под угрозу индивидуальную идентичность, то иммунитет является условием освобождения от такого обязательства и защитой от диктата *communitas*. *Immunitas* противопоставляется логике *communitas*: обладать иммунитетом — значит быть и не иметь ничего общего. Но тем самым иммунитет подразумевает то, что он отрицает, — сообщество. *Immunitas* и *communitas*, таким образом, сопряжены и нерасторжимы. *Immunitas* наполняет *communitas* поступательным движением. Иммунизируется само сообщество, которое одновременно сохраняет и отрицает себя, представляет себя через отрицание собственного первоначального горизонта смысла. Иммунизация — нечто большее, чем защитный аппарат, наложенный на сообщество, это цезура, которая отделяет сообщество от самого себя, защищая его от невыносимого избытка (Esposito, 2008: 90–92).

Вакцинация как частный случай иммунзации способствует формированию в организме человека антител, противостоящих определенным антигенам, что защищает организм от определенной опасности и одновременно помещает человека в опасную ситуацию контролируемого заражения тем патогеном, против которого формируется иммунитет. Иммунизация в широком смысле слова прививает человеку ценности, идеалы, модели поведения, которые формируют устойчивость к социальным явлениям, попирающим данные основания. Безусловно, как вакцинация требует ревакцинации, так и иммунизация определенными ценностями, не являясь прививкой в буквальном смысле слова, нуждается в непрерывном возобновлении. В этом отношении метафора иммунзации ценностями напоминает о сходстве с приобретением иммунитета организмом. Антигены (например, вирусы и бактерии) как контрагенты антител не только перманентно активны, но и мутируют, обходя защитные барьеры иммунитета. Точно так же человек, наделенный свободной волей, изобретателен в создании конкурентных преимуществ для себя, в том числе нарушая закон и общепринятые нормы, включая нормы морали. Как иммунитет отражает угрозу, но испытывает постоянное давление и должен постоянно поддерживаться, так и общество, и государство должны постоянно поддерживать механизмы безопасности и подтверждать основополагающие ценности ввиду непрекращающихся попыток пренебрежения ими. В модели иммунзации Эспозито иммунитет и сообщество (*immunitas/communitas*) находятся в отношении взаимополагания: иммунитет выступает формообразующим началом сообщества, а сообщество стремится к поддержанию иммунитета.

Перипетии пандемии, породившие «перекрестный и бесконечный „шантаж“» (Фуко, 2002: 239), воспроизводят диалектику *communitas* и *immunitas*, необходимую для самосохранения и развития общества. Если воспользоваться агамбеновским термином «напряжение» (*tensione*), то «напряжение означает работу некоей диалектики „на месте“, не приводящей ни к разрешению и снятию, ни к взаимной аннигиляции противостоящих сил и смыслов и при этом производящей некие противоречивые, „напряженные“ конструкции — понятия, дискурсивные ходы

и пр.» (Агамбен, 2020: 17–18). Именно напряжение между биовластью и населением, обусловленное поиском сложных биополитических решений, учитывающих баланс общественных интересов и индивидуальной свободы, выступает формой иммунизации общества пандемией. Общество, сумевшее выработать биополитическую модель, в рамках которой достигнуты минимизация смертности и экономических издержек, сохранены взаимное уважение гражданами индивидуальных прав и одновременно продемонстрирован высокий уровень дисциплинированности в соблюдении временных ограничений, формирует иммунитет к пандемии как внезапному событию, разрушающему привычную связность сообщества. Пройдя между Сциллой аутоиммунной агрессии и Харибдой анархического пренебрежения к жизни собственного населения, такое общество обретает инструментарий человекоутверждающей биополитики, позволяющий в век «Черных лебедей» надеяться на жизнеспособность социального организма. Для «привитого» сообщества преодоление пандемийных ограничений есть трансформация биополитической модальности *vita COVIDa* в тот компромиссный вариант жизни индивида, который установится как новый общественный договор, заключенный биовластью и населением.

От *vita COVIDa* к *co-vida vita* — путь через пандемию

Несмотря на то что пандемия продолжается уже третий год, существует настойчивая необходимость трансформации *vita COVIDa* в *co-vida vita* (*co-бытийная, co-существующая* жизнь — анафраза с использованием макаронизма на основе испанского и латинского языков) — совместную жизнь разделенных карантинными барьерами людей, опирающуюся на чувство сопричастности и угрозы, и модели ее преодоления, и друг другу. Пандемия обладает эффектом энтропии, разрушительным для акторно-сетевой структуры общества и производящим социальную плазму (Латур, 2014: 336). Пандемийная пересборка социального, превратившая акторов-посредников в акторов-проводников карантинного быта, требует формирования *новой* «новой нормальности» — обновления актор-сетей и минимизации социальной плазмы.

В рамках проведенного исследования на основании идей Фуко показано, что пандемия коронавирусной инфекции пошла по пути ускоренной эволюции, в ходе которой «момент истины» (*kairos*) пандемии вызвал к жизни древние знания (*metis*) об изоляции и карантине, дополненные вакцинацией с применением медицинского *high-tech* и широким использованием цифровых технологий. «Вторжение времени» (де Серто, 2013: 175) пандемии в социальное пространство сформировало складчатую барьерную среду, рассредоточив в гибких сегментах мобильного QR-лагеря население. Новая цифровая лагерная парадигма контроля над социальным пространством и социальным временем вышла на новый уровень. Оказалось, что современные технологии позволяют буквально контролировать каждый дюйм, шаг и вздох. Успешно примененные в ходе карантина гаджет-приложения

слежения (Тайвань, Сингапур, Китай, Южная Корея, Иран, Израиль) успешно привязывали индивидов к локациям, которые не следовало покидать на установленный срок самоизоляции, и, видимо, они никуда не денутся и после отмены временных ограничительных мер. «Люди напуганы, и в такие моменты усиление государственного контроля может обнадеживать... Но некоторые из этих мер могут иметь очень страшные последствия. Если для здравоохранения очевидны преимущества системы, в которой власти наблюдают за каждым гражданином, то в смысле тайны частной жизни она будет иметь негативные последствия» (Атанесян, 2020). Сформированная комбинация изоляции, карантина, вакцинации и гаджетизации — новейший «чумной кордон» противоэпидемических мер.

Стремительное формирование перегороженной среды обязывает внимательно присмотреться к трансформации образа жизни человека в новых условиях. В настоящем исследовании концепт деятельной жизни (*vita activa*) применен к ситуации пандемии коронавирусной инфекции. Выяснено, что пандемия нивелирует созидательную творческую активность *homo faber* в бессобытийность простоя и бесконечную отладку приходящих в негодность систем жизнеобеспечения. Человек в качестве *zoon politikon* утрачивает публичное пространство и энергию поступка, расходуя свои силы в непродуктивной сетевой полемике в ходе «войны домохозяйств». Даже порыв к созерцательной жизни (*vita contemplativa*), способный компенсировать ограничения *vita activa*, оборачивается непродуктивными формами залипания в точке притяжения собственных интересов, что обеспечивает изобилие контента, предлагаемого цифровой реальностью. В результате неутешительные выводы Арендт о расширении сферы «трудящегося животного» (*animal laborans*) подтверждаются для *vita COVIDa* господством потребления, простоя, бесплодной полемики и залипания. Пандемийная модальность человеческой жизни (*vita COVIDa*) обнаруживает свою биополитическую природу, погружая человека в циклы природного круговорота потребления, функционирования санитарно-полицейского режима и технических средств жизнеобеспечения. Биополитическое пространство пандемии напоминает ферму людей с технико-технологически обслуживаемыми загонами, выпасами; режимом питания, выгула и календаря прививок (Rifkin, 1992).

В этом биополитическом пространстве *vita COVIDa* становится *vita nuda* как в «красной зоне» стационара для пораженных инфекцией, так и в мобильном лагере, определяемом наличием и опциями QR-кода. Агамбенский лагерь как новый номос Земли в пандемию зримо воплощается как в барьерной среде пространственного порядка, так и в приостановке права в режиме продлеваемого, хотя и не объявляемого, чрезвычайного положения. Фуколдиданский расизм как биополитическая интерпретация шмиттовского понимания политического как дихотомического деления на друга и врага воплощается в всплесках дискриминационных ситуативных мер против вновь выделенной категории *homo sacer* (возвращающиеся на родину туристы; антимасочники; антиваксеры; граждане без QR-кода и т. п.). Этот образ антихемингуэевского праздника наоборот, который всегда

с тобой, подтверждает неутешительные выводы Фуко и Брайдотти о постепенном проникновении танатополитических и некрополитических инструментов в повседневный быт современного общества.

Однако события пандемии дарят надежду на преодоление *vita COVIDa*. Расширение применения парадигмы иммунизации Р. Эспозито в приложении ее идейного содержания к пандемии коронавирусной инфекции позволяет увидеть в самой пандемии своеобразную форму «вакцины», призванной «привить» от катастрофических ограничительных последствий. Рекурсивное обращение пандемии в вакцину против пандемии связано с формированием коллективного феномена *co-vida vita*, приостанавливающего *vita COVIDa*. Именно совместные действия (био)власти и населения по принятию и преодолению вызова пандемии, такие как дисциплина в соблюдении разумно отмеренных карантинных мер; ускоренный вывод на рынок сертифицированных вакцин и ответственное отношение к вакцинации; экономические меры по поддержке бизнеса и усилия самого бизнеса по поиску возможностей нивелировать последствия ограничений и др., возвращают деятельную жизнь через активацию созидательной роли *homo faber* и культуры политического участия *zoon politikon*. Представляется, что именно этот путь человекоберегающей и человекоутверждающей биополитики (Попов, 2021: 72–73) ведет через пандемию к новой старой нормальности, в которой *vita COVIDa* утрачивает актуальность, но сохраняется как освоенный паттерн преодоления вызова пандемии.

Литература

- Агамбен Дж. (2011). Номо sacer: суверенная власть и голая жизнь / Пер. с ит. М. Велижева и др. М.: Европа.
- Агамбен Дж. (2020). Высочайшая бедность: монашеские правила и форма жизни / Пер. с ит. и лат. С. Ермакова под науч. ред. Д. Раскова и А. Погребняка. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Арендт Х. (2000). *Vita activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина под ред. Д. М. Носова.. СПб.: Алетейя.
- Атанесян Г. (2020). Коронаслежка: «Большой брат» как выход из карантина // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features%52234723> (дата обращения: 30.08.2020).
- Бек У. (2000). Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- Брайдотти Р. (2021). Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Власова О. А. (2014). Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: ВШЭ.
- Брегман Р. (2018). Утопия для реалистов: как построить идеальный мир / Пер. с англ. А. Зуева. М.: Альпина Паблишер.

- де Серто М.* (2013). Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с англ. Д. Калугина и Н. Мовниной. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Дессауэр Ф.* (2017). Спор о технике / Пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии.
- Даймонд Дж.* (2010). Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / Пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ.
- Дрекслер Э.* (2014). Всеобщее благоденствие: как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию / Пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. С. Лурье. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Жижек С.* (2005). Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / Пер. с англ. А. Смирнова под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. СПб.: Алетейя.
- Курицвейл Р.* (2015). Эволюция разума / Пер. с англ. Т. П. Мосоловой. М.: Эксмо.
- Комарофф Дж.* (2021). По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок / Пер. с англ. А. Васильевой // Логос. № 1. С. 3–34.
- Латур Б.* (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской под ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ.
- Патракова А. П.* (2020). Этические аспекты сортировки пациентов при дефиците аппаратов ИВЛ в условиях пандемии COVID-19 // Человек. Т. 31. № 6. С. 165–180.
- Попов Д. В.* (2021). Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. Омск: Омская академия МВД России.
- Попов Д. В., Векленко П. В.* (2020). Vita COVIDa: антропный коллапс и биополитический кризис // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 59–72.
- Попова О. В.* (2020). Пандемия и фигура философа // Человек. Т. 31. № 6. С. 11–30.
- Скотт Дж.* (2020). Против зерна: глубинная история древнейших государств / Пер. с англ. И. Троицук. М.: Дело.
- Сонтаг С.* (2016). Болезнь как метафора / Пер. с англ. А. Е. Соколинской и М. А. Дадяна. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тищенко П. Д.* (2020). «Время убивать и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // Человек. Т. 31. № 6. С. 31–49.
- Филиппов А. Ф.* (2020). Эпидемия: первые социологические последствия и перспективы // Россия в глобальной политике. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/normalnost%chrezvychajnogo> (дата обращения: 10.08.2021).
- Фуко М.* (2002). Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. Ч. 1. М.: Практикс.
- Фуко М.* (2005). «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука.
- Фуко М.* (2010). Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука.

- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Хайдеггер М. (1993). Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика.
- Чэндлер Д. (2020). Биополитика и подъем «антропоцентрического авторитаризма» // Россия в глобальной политике. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika%avtoritarizma> (дата обращения: 10.08.2021).
- Шах С. (2017). Пандемия: всемирная история смертельных вирусов / Пер. с англ. М. Десятовой под науч. ред. В. Дорониной. М.: Альпина нон-фикшн.
- Шмитт К. (2000). Политическая теология / Пер. с нем. Ю. Коринца и А. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Яркеев А. В. (2018). Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск: ИФиПУРО РАН.
- De Grey A., Rae M. (2007). Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs That Could Reverse Human Aging in Our Lifetime. N. Y.: St. Martin's Press.
- Esposito R. (2008). Bíos: Biopolitics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Ojakangas M. (2016). On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower. New York: Routledge.
- Oldstone M. B. A. (2010). Viruses, Plagues, and History: Past, Present, and Future. Oxford: Oxford University Press.
- McNeill W. H. (1976). Plagues and Peoples. New York: Anchor Books.
- Rifkin J. (1992). Beyond Beef: The Rise and Fall of the Cattle Culture. N. Y.: Penguin Books.

Vita COVIDa as a Biopolitical Modality of Life in a Pandemic

Dmitry V. Popov

PhD in Philosophy, Associate Professor, the Head of Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Address: Komarova str. 7, Omsk, Russian Federation 644092
E-mail: DmitriVPopov@mail.ru

The pandemic of the COVID-19 coronavirus infection has formed a special biopolitical modality of life, that of *vita COVIDa*. Biopolitics, the tools of which the authorities turned to in a pandemic, re-assembled the social space, thus changing the flow of social time. In this accelerated mode, the path from isolation through quarantine to vaccination has been completed. Historically-proven tools to combat the pandemic have been consistently combined. What was new was the appeal to the arsenal of modern digital technologies which made it possible to create a unique flexible barrier environment and control the process of the immunization of the population.

Vita COVIDa was a form of further restriction of active life (*vita activa*). During the pandemic, consumption increased as an aspect of the work managed by *animal laborans*; there is a lack of creative activity carried out by *homo faber*; and there is a collapse of public space, leading to a pseudo-political virtual polemic in which a person gets bogged down as a *zoon politikon*. In conditions when the contemplative life (*vita contemplativa*) is captured by the effect of stickiness in the interpassivity mode, *vita COVIDa* slides to routine work and hyper-consumption, increasingly assigning the priority role of *animal laborans* to a person. The special spaces of the stationary ("Red Zone" or "camp of life") and mobile (QR code) camps, formed in the mode of an undeclared state of emergency, produce a "naked life" (*vita nuda*). The increasing tension creates prerequisites for the invasion of the friend/enemy political-identifier proper into social relations, situationally assigning the status of *homo sacer* to persons whose *modus operandi* is perceived as risky. Foucault understood racism is actualized in the biopolitical space of the pandemic. The contradictory trends of the pandemic should be considered within the framework of the Esposito immunization paradigm, in which the pandemic with its threats of social collapse should be considered as something that requires an immune response in the form of a coordinated response of the authorities and the population to the threats of social collapse. The intense confrontations between humanity and disease and between the authorities and the population in the field of imposed restrictions and responsible adoption of the proposed measures lead to the need to develop *co-vida vita* (co-life) as a way of living and overcoming *vita COVIDa* during the return to the "old" new normality.

Keywords: biopower, biopolitics, pandemic, human, *vita COVIDa*, *vita activa*, *vita contemplativa*, *vita nuda*, *co-vida vita*, *animal laborans*, *homo faber*, *homo sacer*, *zoon politikon*

References

- Agamben G. (2011) *Homo sacer: suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer: Sovereign Power and Naked Life], Moscow: Evropa.
- Agamben G. (2020) *Vysochajshaya bednost': monasheskie pravila i forma zhizni* [The Highest Poverty: Monastic Rules and the Form of Life], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni* [The Human Condition], Saint Petersburg: Aleteya.
- Atanesyan G. (2020) Koronaslezhka: "Bol'shoj brat" kak vyxod iz karantina [Coronavirus Tracking: "Big Brother" as a Way out of Quarantine]. *BBC Russian Service*. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features%52234723> (accessed 30 August 2021).
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: On the Way to Another Modern], Moscow: Progress-Tradiciya.
- Bregman R. (2018) *Utopiya dlya realistov: kak postroit' ideal'nyj mir* [Utopia for Realists: How to Build a Perfect World], Moscow: Alpina Publisher.
- Braidotti R. (2021) *Postchelovek* [Posthuman], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Certeau M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. 1: The Art of Making], Saint Petersburg: European University at St. Petersburg Press.
- Chandler D. (2020) Biopolitika i podjem "antropocentricheskogo avtoritarizma" [Biopolitics and the Rise of "Anthropocentric Authoritarianism"]. *Russia in Global Politics*, no 3. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika%avtoritarizma> (accessed 10 August 2020).
- De Grey A., Rae M. (2007) *Ending Aging. The Rejuvenation Breakthroughs That Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*, New York: St. Martin's Press.
- Dessauer F. (2017) *Spor o texnike* [The Dispute about Technology], Samara: Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii.
- Diamond J. (2010) *Ruzh'ya, mikrobi i stal': istoriya chelovecheskix soobshhestv* [Guns, Germs and Steel: The History of Human Communities], Moscow: AST.
- Drexler E. (2014) *Vseobshhee blagodenstvie: rak nanotexnologicheskaya revolyuciya izmenit civilizaciyu* [Universal Prosperity: How the Nanotechnology Revolution Will Change Civilization], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Esposito R. (2008) *Bios: Biopolitics and Philosophy*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Filippov A. (2020) E'pidemiya: pervye sociologicheskie posledstviya i perspektivy [The Epidemic: The First Sociological Consequences and Prospects]. *Russia in Global Politics*, no 3. Available at: // <https://globalaffairs.ru/articles/normalnost%chrezvychajnogo> (accessed 10 August 2021).
- Foucault M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Ch. 1* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews, Part 1], Moscow: Praksis.
- Foucault M. (2005) *Nuzhno zashhishhat' obshchestvo: Kurs lekcij, pročitannyx v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [We Need to Protect Society: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1975–1976 Academic Year], Saint Petersburg: Nauka.
- Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: Kurs lekcij, pročitannyx v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1978–1979 Academic Year], Saint Petersburg: Nauka.
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie: Kurs lekcij, pročitannyx v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1977–1978 Academic Year], Saint Petersburg: Nauka.
- Heidegger M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches], Moscow: Respublika.
- Kurzweil R. (2015) *E'voljuciya razuma* [The Evolution of the Mind], Moscow: Eksmo.
- Komaroff J. (2021) Po tu storonu goloj zhizni: SPID, (bio)politika i neoliberal'nyj poryadok [Beyond the Naked Life: AIDS, (Bio)politics and the Neoliberal Order]. *Logos*, no 1, pp. 3–34.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow: HSE.
- McNeill W. H. (1976) *Plagues and Peoples*, New York: Anchor Books.
- Ojakangas M. (2016) *On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower*, New York: Routledge.
- Oldstone M. B. A. (2010) *Viruses, Plagues, and History: Past, Present, and Future*, Oxford: Oxford University Press.
- Patrakova A. (2020) E'ticheskie aspekty sortirovki pacientov pri deficite apparatov IVL v usloviyax pandemii COVID-19 [Ethical aspects of sorting patients with a shortage of ventilators in the conditions of the COVID-19 pandemic]. *Chelovek*, no 6, pp. 165–180.
- Popov D. (2021) *Biovlast' i zhizn': filosofsko-antropologicheskie osnovaniya, potencial i perspektivy biopolitiki* [Biopower and Life: Philosophical and Anthropological Foundations, Potential and Prospects of Biopolitics], Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii.
- Popov D., Veklenko P. (2020) Vita COVIDa: antropnyj kollaps i biopoliticheskij krizis [Vita COVIDa: Anthropic Collapse and Biopolitical Crisis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 4, pp. 59–72.
- Popova O. (2020) Pandemiya i figura filosofa [Pandemic and the Figure of the Philosopher]. *Chelovek*, no 6, pp. 11–30.
- Rifkin J. (1992) *Beyond Beef: The Rise and Fall of the Cattle Culture*, New York: Penguin Books.
- Schmitt K. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology], Moscow: KANON-press-C.
- Scott J. (2020) *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevnejshix gosudarstv* [Against the Grain: The Deep History of the Most Ancient States], Moscow: Delo.
- Shah S. (2017) *Pandemiya: vseмирnaya istoriya smertel'nyx virusov* [Pandemic: A Worldwide History of Deadly Viruses], Moscow: Alpina Non-fiction.
- Sontag S. (2016) *Bolezn' kak metafora* [Illness as a Metaphor], Moscow: Ad Marginem Press.
- Tishchenko P. (2020) "Vremya ubivat', i vremya vrachevat'": chelovek v situacii pandemii COVID-19 ["A Time to Kill, and a Time to Heal": A Man in a Situation of COVID-19 Pandemic]. *Chelovek*, no 6, pp. 31–49.
- Yarkeev A. (2018) *Ontologicheskie osnovaniya zla v sovremennom obshchestve: filosofsko-germenevticheskij aspekt* [Ontological Foundations of Evil in Modern Society: Philosophical and Hermeneutic Aspect], Ekaterinburg, Izhevsk: IFiPUO RAN.
- Vlasova O. (2014) *Antipsixiatriya: social'naya teoriya i social'naya praktika* [Antipsychiatry: Social Theory and Social Practice], Moscow: HSE.
- Žižek S. (2005) *Interpassivnost'. Zhelanie vlechenie. Mul'tikul'turalizm* [Interpassivity. Desire: Attraction. Multiculturalism], Saint Petersburg: Aleteya.